

Тянь Ци поняла: хотя Сунь Дали больше не приходил к ней с претензиями, она все же умудрилась перейти дорогу людям Шуфэй.

Эта наложница была одной из четырех старших жен императора. Она всегда отличалась высокомерием и привычкой выгораживать своих. Стоило наставнику Сунь Дали пожаловаться ей, перевернув все с ног на голову, как Тянь Ци оказалась у нее на карандаше. Пока она служила евнухом при особе императора, никто не осмеливался ее трогать, но стоило ей покинуть дворец Цяньцин, как Шуфэй могла уничтожить ее в два счета.

Поэтому нужно было держаться за императора изо всех сил: при жизни быть человеком дворца Цяньцин, а после смерти — его же призраком. Тянь Ци украдкой сжала кулаки.

Кстати говоря, стоило прояснить расстановку сил в гареме.

На данный момент высшими рангами обладали четыре супруги: Дэ, Шу, Шунь и Кон-фэй. Трон императрицы пустовал, как и места благородных супругов — гуйфэй и хуангуйфэй. Впрочем, титул хуангуйфэй обычно был номинальным, его чаще всего жаловали посмертно.

Что же до ранга гуйфэй, то без особых причин его могли получить лишь те, у кого были дети. А поскольку ни у одной из четырех супруг наследников не было, все они застряли на текущих позициях.

Это означало, что та, кому удастся родить сына императору, получит шанс возвыситься до гуйфэй, а там и до титула императрицы рукой подать.

Поскольку императрицы не было, делами гарема временно заправляли вдовствующая императрица вместе с супругами Дэ и Шунь. Вдовствующая императрица знала свое дело: она считала, что уже стара, чтобы лезть в дела молодых, поэтому, кроме самых важных вопросов, все повседневные хлопоты переложила на плечи Дэ и Шунь. О добродетельной и уважаемой Дэ уже упоминалось, а Шунь была известна как исполнительный, рассудительный и осторожный человек, чем и заслужила расположение императора.

Шуфэй была самой молодой и красивой среди четырех жен. Она чаще других проводила ночи с императором, так что шансы забеременеть у нее были выше всех. Это был ее главный козырь.

Что до Кон-фэй, то, хотя она казалась самой незаметной, за ней стояла мощная поддержка: она была родной племянницей вдовствующей императрицы. Ее мать и вдовствующая императрица были родными сестрами и очень друг друга любили.

Словом, у каждой из четырех жен были свои преимущества, силы были равны, и пока что ситуация оставалась стабильной.

Тянь Ци считала императора весьма странным человеком. Императрица умерла уже столько лет назад, а он все не спешил назначать новую. Министры не раз высказывались на этот счет, но он оставался непреклонен.

Впрочем, Тянь Ци это не касалось. Какими бы могущественными ни были наложницы, император всегда оставался главным. Ей достаточно было хорошо прислуживать ему, а в свободное время подрабатывать передачей вестей, чтобы жить припеваючи.

Сегодня император был в отличном настроении.

Причиной тому стала гигантская священная черепаха, которую прислал в дар король Суматры.

Местные жители называли ее болотной черепахой, так как обитала она в топях и озерах.

Суматра была небогатой страной, жившей рыболовством и поборами с торговых судов, проходивших мимо.

Великая Ци была великой империей, и Суматра ежегодно присылала дань. Поскольку редких сокровищ у них не было, а император и так ни в чем не нуждался, они обычно привозили всякую всячину: декоративных птиц, рыбок, камни или пряности.

Эту черепаху нашли во время спячки. Она была настолько огромной, что король не на шутку переполошился. Увидев такую махину, он решил, что дань в этом году удалась. Зная, что жители Поднебесной почитают черепах как символ удачи, он с радостью погрузил спящего гиганта на корабль и отправил в Великую Ци.

Король и сам отправился в путь, якобы для сопровождения священного животного, а на деле — чтобы бесплатно поесть и пожить.

Путь с юга на север занял много времени, но, несмотря на весну, климат не сильно изменился, поэтому черепаха так и проспала всю дорогу от Суматры до самой столицы.

Открыв глаза, она обнаружила, что ее родное болото исчезло, а вокруг — незнакомый мир. Прохладная вода озера, плакучие ивы на берегу, лотосы, беседка посреди воды — все казалось пугающим.

К тому же она оказалась в центре всеобщего внимания.

Император вместе с матерью, женами и сыном стоял у озера Тайе, любясь диковинкой.

Тянь Ци стояла позади Цзи Хэна, достаточно близко, чтобы тоже увидеть огромную черепаху.

Болотные черепахи и так крупнее обычных, но эта была просто исполинской — даже выдавшие виды ловцы черепах не видели ничего подобного. Панцирь в диаметре достигал полуметра, гладкий и черный, словно огромный валун. Толстая шея была изогнута вверх, а большие глаза немигающе следили за людьми на берегу.

Тянь Ци не могла сдержать изумления.

В этот момент несколько евнухов принесли корзины с рыбой, чтобы покормить священное животное. Цзи Хэн обернулся и увидел, как Тянь Ци, встав на цыпочки и вытянув шею, во все глаза смотрит на черепаху, а в ее взгляде светится восторг.

Он усмехнулся и сказал:

— Ты, иди покорми это божественное создание.

Получив столь почетное задание, Тянь Ци поспешно вышла вперед, подошла к корзине, выудила крупную рыбку, взвесила ее в руке и швырнула в сторону головы черепахи.

Все взгляды устремились за полетом рыбы.

Описав дугу, она с глухим стуком приземлилась прямо на массивную голову черепахи.

Зрители, ожидавшие зрелища, застыли в немом недоумении.

У черепахи была медленная реакция, ожидать от нее, что она поймает добычу на лету, было наивно, поэтому удар пришелся точно в цель. Хотя это было объяснимо, все чувствовали себя немного неловко.

К счастью, несмотря на медлительность, черепаха была крепкой, и такой удар не причинил ей никакого вреда. Она опустила голову в воду, подхватила упавшую рыбу и проглотила.

Из-за огромного размера черепахи такая рыбешка была для нее сущим пустяком. К тому же она только проснулась от спячки и была голодна.

Она быстро проглотила рыбу и снова замерла в своей прежней позе.

Тянь Ци выловила еще одну рыбку, на этот раз стараясь рассчитать траекторию так, чтобы не попасть по голове.

Рыба упала рядом с шеей, и черепаха отреагировала быстрее: не дожидаясь, пока добыча опустится на дно, она ловко ее подхватила.

Все с интересом наблюдали за процессом. Так Тянь Ци заработала себе репутацию перед лицом господ.

Маленькому Жуи это показалось забавным, и он, подпрыгивая, подбежал к Тянь Ци, обхватив ее за ногу:

— Я тоже хочу!

Ребенок был не по годам смелым: хотя он обращался к Тянь Ци, он украдкой поглядывал на Цзи Хэна, зная, кто здесь принимает решения.

Цзи Хэн не стал возражать.

Тянь Ци выбрала рыбку поменьше и дала Жуи. Мальчик держал ее обеими руками, а Тянь Ци придерживала его — она боялась, что он вместе с рыбой свалится в воду.

Жуи бросил рыбку, но из-за слабого замаха она упала далеко. Черепаха брезгливо посмотрела на нее, подождала, не прилетит ли что-нибудь покрупнее, и, не дождавшись, неспешно подплыла и съела ее.

Все дружно заплодировали.

Так Тянь Ци и Жуи кормили черепаху рыбой за рыбой.

Цзи Хэн, которому явно нечем было заняться, наблюдал за этим довольно долго, пока черепаха, наевшись, не перестала обращать на них внимание и не уплыла прочь.

Многие присутствующие были разочарованы, что представление закончилось.

Кто-то принес воды, чтобы Жуи помыл руки, и мальчик потянул Тянь Ци за собой. После он ухватился за ее одежду, не желая отпускать:

— Побудь со мной.

Это было прямое пожелание принца, и Тянь Ци не знала, как ответить — и согласиться было страшно, и отказать нельзя. Она замялась.

Жуи потянул ее за руку:

— Мама...

Тянь Ци поспешно опустилась на колени, побледнев от страха. Ничего страшного, если ребенок просто болтает, но ведь это был принц, а его отец стоял прямо перед ними.

Цзи Хэн знал, что сын в последнее время называет мамой всех красивых женщин, а Тянь Ци выглядела довольно женственно, поэтому он не придавал этому значения:

— Тянь Ци, иди поиграй с ним.

Сын рос без матери, и Цзи Хэн всегда чувствовал свою вину перед ним, поэтому, если просьба не выходила за рамки дозволенного, он старался ее исполнить. Ребенок еще мал, успеет еще построжиться.

Так Жуи увел Тянь Ци за собой. Они гуляли вдоль берега озера, и Тянь Ци спросила:

— Ваше Высочество, во что вы хотите поиграть?

Жуи не знал.

Цзи Хэн распустил свиту, но сам не ушел, а уселся в беседке посреди озера, попивая чай и поглядывая на парочку на берегу.

Видя, что у Жуи нет идей, Тянь Ци сорвала ивовый лист и начала на нем играть. Мастерство у нее было так себе, только звук извлечь и могла. Разумеется, перед Жуи этого было достаточно, ведь тот не мог даже пискнуть.

Жуи, зажав ивовый лист, принялся учиться у Тянь Ци.

Вскоре над берегом разнеслись резкие, неприятные звуки. Этот пронзительный шум был настолько настойчивым, что долетал до беседки посреди озера.

Цзи Хэн нахмурился, мечтая заткнуть уши.

Превращать ивовый лист в подобие звука выпускаемых газов — это, должно быть, особый талант.

Этот Тянь Ци, кроме миловидной внешности, не умел делать ничего изящного.

Слушать такое было невыносимо, к тому же Цзи Хэн боялся, что вкус сына будет окончательно испорчен.

— Пусть прекратят! — приказал он.

Евнух передал распоряжение, и звуки стихли.

Раз играть на листьях нельзя, Тянь Ци принялась плести из ивовых веток всякую всячину: кроликов, мышей, корзинки, куда сажала своих поделки.

Жуи, обнимая корзинку, глупо улыбался:

— Мама, ты такая молодец.

Тянь Ци уже не стала его поправлять — все равно бесполезно. Она сплела две круглые шапки, которые, будучи надетыми на голову, напоминали два перевернутых котелка.

Цзи Хэн, которому наскучило сидеть, вышел из беседки и издалека увидел, как Жуи, прижимая что-то к груди, подпрыгивая, бежит к нему.

Подойдя ближе, Цзи Хэн помрачнел.

На головах обоих красовались плетеные из ивы шапки.

Но это было не главное. Главным был их цвет.

— Снять.

Оба послушно исполнили приказ.

Время близилось к полудню, император и принц должны были обедать, а у Тянь Ци заканчивалась смена. Получив обещание поиграть завтра, Жуи отпустил ее.

Цзи Хэн смотрел, как они прощаются, словно родные отец и сын. Он холодно хмыкнул, чувствуя, что этот маленький извращенец окончательно испортит ребенка.

Впрочем, в конце концов он все же наградил Тянь Ци. Успокаивать детей — дело не из легких.

Видя, как Тянь Ци сияет, получая награду, Цзи Хэн невольно улыбнулся.

После смены Тянь Ци ощупывала серебро в кошельке, думая, что ее полоса невезения закончилась.

Ее критерием удачи было количество денег. Раз в последние дни она прилично заработала, значит, фортуна повернулась к ней лицом.

И тут ей прилетело по голове — не в переносном, а в самом прямом смысле.

Тянь Ци заступала на службу в час тигра, когда еще было совсем темно. Ей нужно было дойти от Тринадцатого отдела до дворца Цяньцин через ворота Сюанью и императорский сад.

Возле одного из искусственных холмов в саду она почувствовала поток воздуха за ухом, не успела среагировать, как в затылок ударила резкая боль, и она потеряла сознание.

Цзи Хэн с самого утра и до окончания утреннего совета не видел Тянь Ци.

Это было странно. Насколько он знал, Тянь Ци, хоть и была плутоватой, но не ленивой, чтобы прятаться. Да и кто посмеет отлынивать, будучи на службе при императоре?

Он решил, что Шэн Аньхуай дал ей другое поручение. Подписывая бумаги в зале Янсинь, он спросил:

— Что ты поручил Тянь Ци?

Шэн Аньхуай сам был озадачен:

— Докладываю Вашему Величеству, Тянь Ци сегодня не заступал на службу. Я посылаю людей в Тринадцатый отдел, говорят, утром он вышел вовремя.

Странно. Вышел вовремя, а на службу не пришел? Неужели его кто-то похитил? Но кому придет в голову похищать мелкого евнуха?

Может, месть?

При этой мысли Цзи Хэн прищурился:

— С кем он в последнее время конфликтовал?

— Ваше Величество, Тянь Ци человек изворотливый, ни с кем не ссорился. Был лишь один инцидент с Сунь Дали из Императорской конюшни, о чем вы сами изволили спрашивать.

— Привести сюда Сунь Дали.

— Слушаюсь.

Шэн Аньхуай ушел, а следом вошел принц.

— Сын приветствует отца, желает императору здоровья, — пролепетал Жуи.

— Встань, — Цзи Хэн невольно улыбнулся, глядя на сына, который вел себя как маленький взрослый.

Жуи посидел у него на коленях, огляделся и спросил:

— Где мама?

Цзи Хэн знал, о ком он, и досадливо потер лоб:

— Он не твоя мама. Запомни, это Тянь Ци.

— А, — кивнул Жуи, показывая, что запомнил.

Цзи Хэн думал, что Жуи называет всех мамой из-за недостатка любви, так же думали и многие другие. Лишь позже он понял, что для Жуи слово мама — это общее название категории. Как мы называем всех кошек кошками, а птиц птицами, так он называл всех женщин мамами.

С этим сыном у Цзи Хэна иногда болела голова. Неизвестно, в кого Жуи уродился, но он не любил разговаривать. И не как замкнутые дети, нет — Жуи был очень живым. Его нелюбовь к разговорам проявлялась в крайней лаконичности: если мысль можно выразить четырьмя словами, он никогда не скажет пять. Он никогда не держал мысли в себе, но всегда высказывался кратко и по существу.

Сначала Цзи Хэн думал, что сын медленно говорит, потому что глуповат, но факты доказывали обратное. Он учил его Троесловию, и тот запоминал быстрее сверстников.

Услышав слова отца, Жуи тут же исправился:

— Где Тянь Ци?

Цзи Хэн любопытствовал:

— Почему тебе нравится Тянь Ци?

Жуи ответил:

— Он пахнет.

Цзи Хэн рассмеялся:

— Ты любишь его, вот и кажется, что пахнет. Неужели кто-то может вонять?

Жуи серьезно сказал:

— Многие мамы воняют.

— Ты произнес семь слов подряд, редкость, редкость, — Цзи Хэн погладил его по голове. — Почему же они воняют?

Жуи нахмурился, словно вспоминая что-то неприятное:

— Пахнет вонью.

— Шесть слов, отлично, — внимание Цзи Хэна было полностью поглощено сыном.

Он не принял слова ребенка всерьез. Почему Жуи считал, что многие мамы воняют, Тянь Ци поняла позже. Некоторые дети от природы не любят запах пудры и румян. Жуи с рождения чувствовал этот запах от многих женщин, густой или слабый, и ему он не нравился. Но он не знал источника запаха, думая, что так пахнут сами женщины. Тянь Ци не красилась, поэтому Жуи говорил, что она пахнет.

Жуи так и не дождался ответа, где Тянь Ци, и разочарованный ушел.

Вернулся Шэн Аньхуай:

— Ваше Величество, Сунь Дали покончил с собой.

— Заметают следы, — отрезал Цзи Хэн. — Похоже, Тянь Ци в большой беде. Объявить по всему дворцу: искать его, живым или мертвым.

После того как Шэн Аньхуай ушел, Цзи Хэн остался один. Мысли о Тянь Ци не давали покоя. Он отложил кисть и вздохнул.

Жаль.

Буддизм учит, что во всем важна предопределенность, и в отношениях господина и слуги — тоже. Слуг много, а по-настоящему верного и подходящего найти трудно.

И вот, когда наконец нашел, его погубили.

Бедный маленький извращенец. В любом случае, он должен отомстить за него, чтобы тот мог упокоиться с миром.

У Сунь Дали не было достаточного мотива убивать Тянь Ци. Месть за драку из-за денег понятна, но не до такой степени, чтобы идти на убийство.

К тому же, это человек императора.

Невозможно, чтобы после убийства не было ни слуху ни духу, а потом — самоубийство из страха. Если бы он был таким трусом, у него не хватило бы духу убить. Все это противоречило логике.

Значит, здесь замешано что-то серьезное.

В зале стало душно, Цзи Хэн вышел во двор и увидел, как Шэн Аньхуай о чем-то шепчется с евнухом.

Евнух выглядел встревоженным, а лицо Шэн Аньхуая было суровым.

Цзи Хэн спросил:

— О чем речь?

Шэн Аньхуай подошел:

— Ваше Величество, кажется, есть вести о Тянь Ци.

— Где он? Жив или мертв?

— Это... я не могу сказать точно. Осмелюсь просить вас лично взглянуть.

Цзи Хэн последовал за ним к озеру Тайе.

У берега уже собралась толпа. Цзи Хэн подошел и увидел вдали, как на воде покачивается Тянь Ци.

Сердце его сжалось:

— Почему его до сих пор не вытащили? Чего вы здесь столпились!

Шэн Аньхуай поспешно ответил:

— Ваше Величество, не гневайтесь, они... не смеют.

— В чем причина?

— Ваше Величество, взгляните внимательнее, Тянь Ци... его везет на спине священная черепаха.

Цзи Хэн присмотрелся и увидел, что Тянь Ци действительно возвышается над водой, а под ним — панцирь, похожий на гору, почти скрытый водой, поэтому сначала он не разобрал.

Черепаха выглядела настолько необычно, что евнухи боялись приблизиться.

Цзи Хэн разозлился на этих олухов: черепаха есть черепаха, какой бы большой она ни была, чего ее бояться!

Он приказал спустить лодки и вытащить Тянь Ци на берег.

Тянь Ци была насквозь мокрой, руки и ноги — крепко связаны веревкой, которая от воды разбухла и не поддавалась. Цзи Хэн выхватил кинжал и перерезал путы.

Евнухи начали давить на грудь Тянь Ци, выдавливая воду из легких.

Тянь Ци выплюнула воду, маленького вьюна и креветку, после чего зашлась в кашле.

Все облегченно вздохнули: жива! Не зря священная черепаха ее везла.

Тянь Ци открыла глаза и увидела много людей. Должно быть, удар по затылку был слишком сильным — голова кружилась, перед глазами все плыло.

Она увидела императора, который смотрел на нее сверху вниз. Его фигура покачивалась, а желтый халат на солнце слепил глаза.

Тянь Ци прищурилась, не в силах вымолвить ни слова.

Цзи Хэн внимательно разглядывал ее. Бледное личико, пустой взгляд — никакой былой живости, как у дурачка.

Он слегка приподнял бровь:

— Живучая.

Шэн Аньхуай заметил: кулаки императора, которые он до этого сжимал, наконец разжались. Заложив руки за спину, он левой рукой обхватил правую и лениво постукивал указательным пальцем по тыльной стороне ладони.

Этот жест означал, что настроение императора было весьма неплохим.

Тянь Ци могла только удивляться своей живучести.

Быть оглушенной, связанной и брошенной в озеро — и выжить? Это была помощь богов.

О нет, не богов, а священной черепахи...

Она чувствовала, что та, возможно, узнала ее, ведь вчера, когда она прибыла в Великую Ци, именно Тянь Ци угощала ее первым обедом. Наверное, поэтому она и помогла. Как одинокий странник на чужбине, встретив того, кто искренне помог тебе, ты чувствуешь благодарность, и если есть шанс отплатить, сделаешь это непременно.

Это можно было назвать доброй связью между ней и черепахой.

После того как Тянь Ци вытащили, император проявил заботу и дал ей три дня отпуска, чтобы она могла отлежаться в Тринадцатом отделе.

Более того, он прислал лекаря.

Тянь Ци поняла, что в этом году ее преследуют лекари. В этот раз она не успела спрятаться, и Шэн Аньхуай застал ее врасплох. К счастью, лекарь был другим, иначе она не смогла бы объяснить, почему пульс не тот.

Удивительно, но лекарей в академии, что ли, перебор? Почему у них всегда есть время проверять таких мелких евнухов?

Тянь Ци мысленно ворчала, пряча руки в рукава, не желая давать пульс. Она решила: если лекарь будет настаивать и обнаружит странности, она будет твердить, что это из-за кастрации — мол, пульс становится все больше похож на женский.

Но, к ее удивлению, лекарь не стал проверять пульс, а осмотрел затылок и спросил о самочувствии.

Тянь Ци удивилась.

Шэн Аньхуай тоже:

— Разве не нужно проверить пульс?

— Нет, — покачал головой лекарь. — У него травма головы, а мозг — обитель духа, по пульсу этого не определить. Раз вы жалуетесь на головокружение и тошноту, это последствия сильного удара. Я выпишу отвар, пропейте два курса. В эти дни — полный покой, никакой работы, и беречься от новых ударов.

Тянь Ци облегченно выдохнула и закивала.

Проводив их, она лежала на кровати и думала.

Она уже знала о самоубийстве Сунь Дали. Ее сомнения были такими же, как у Цзи Хэна: Сунь Дали не мог пойти на убийство из-за пустяка, и тем более — на самоубийство после.

Кто-то использовал его, чтобы убрать ее.

Кто же хочет ее смерти?

Вроде бы она никого так сильно не обидела...

Если не месть, то что? Смерть слуг во дворце — это либо козел отпущения, либо лишний свидетель.

Тянь Ци сразу вспомнила о том злополучном поясе.

Все сходилось: противник боялся, что она проболтается, и хотел убрать ее.

Да кто же это, черт возьми!

От раздумий голова разболелась, тошнота усилилась. Она махнула рукой, накрылась одеялом и уснула.

К вечеру, когда многие евнухи закончили смену, пришел Ван Мэн, принес гостинцы. Он уже слышал о трагедии Тянь Ци — история о том, как евнуха при императоре бросили в озеро, а священная черепаха спасла его, облетела весь дворец.

Тянь Ци отдала рецепт Ван Мэну, чтобы тот забрал лекарство и принес поесть.

Ван Мэн послушно принес еду. Он знал, что ее тошнит, поэтому принес лишь легкую кашу и закуски.

Тянь Ци посмотрела на него, и в голову пришла мысль:

— Ты ведь разбираешься в медицине, почему не попробуешь сдать экзамен в Императорскую академию?

Ван Мэн широко открыл глаза, пораженный.

— Что такое? Я сказала что-то не то?

— Нет, — он поджал губы. — Ты думаешь, я смогу?

— А почему нет? Экзамен открыт для всех, если знаний хватает... Кстати, насколько хороши твои знания?

Ван Мэн не знал, что ответить на этот вопрос. Он никогда не соревновался с другими в искусстве врачевания и не понимал, что именно считается высоким мастерством.

Но сейчас дело было вовсе не в медицине. Ван Мэн проговорил:

— В конце концов, я преступник, да к тому же евнух...

— Ну почему ты такой непонятливый? — возразил Тянь Ци. — Слушай меня: человек должен быть как вода — просочится в любую щель. Ты сначала попытай счастья на экзамене. Если действительно сдашь, побереги немного денег, попроси кого следует замолвить за тебя словечко перед хозяевами, подмажь людей в Императорской медицинской академии — и дело в шляпе. Запретный город не рухнет оттого, что в нем не хватит одного евнуха.

Ван Мэн тяжело кивнул.

Тянь Ци похлопал его по плечу:

— Договорились. Когда станешь придворным лекарем, не забудь про брата.

Тянь Ци пробыл в Тринадцатом отделе всего одну ночь. На следующий день по приказу Цзи Хэна его переселили в покои, предназначенные для дворцовых слуг во дворце Цяньцин. Тянь Ци счел это решение весьма мудрым: враг в тени, а он на виду. Раз уж ему посчастливилось пережить первое покушение, не факт, что удастся избежать второго, так что лучше держаться в безопасном месте.

Единственным минусом было то, что теперь стало сложнее выбираться из дворца погулять. Евнухи, жившие в Тринадцатом отделе, могли покинуть Запретный город, как только сдавали свои жетоны после смены. Но тем, кто жил непосредственно во дворце, для выхода требовался приказ хозяина, да еще и нужно было доложить управляющему евнуху и получить разрешение.

Впрочем, Тянь Ци мог пропустить лишние хлопоты: его хозяин сам был главным управляющим.

Конечно, жизнь во дворце имела свои преимущества: чаще встречаешься с хозяевами разных покоев, а значит, появляется больше возможностей подзаработать.

В эти два дня вынужденного отпуска, когда делать было совершенно нечего, Тянь Ци каждый день бегал к озеру Тайе. Он хотел как следует отблагодарить свою спасительницу-черепаху.

Он натаскал из кухни кучу рыбы. Чтобы изучить вкусы огромной черепахи и угодить ей, Тянь Ци раздобыл и другую еду. Мясное, овощное, сырое, вареное — он приносил всего понемногу, чтобы черепаха могла попробовать. Все равно в эти дни он маялся от безделья.

Вывод был таков: больше всего это божественное создание любит не рыбу, а потроха. Куриные, утиные, свиные или бараньи — она ела всё, причем предпочитала в сыром виде.

Потроха — вещь нехитрая, так что Тянь Ци таскал из кухни всё, что не шло в дело, и кормил свою подопечную. Постепенно они сдружились. Стоило Тянь Ци показаться на берегу, как черепаха подплывала к нему и вытягивала шею, чтобы поприветствовать. Конечно, главной целью была еда.

Тянь Ци даже дал черепахе имя. Поскольку она была его спасительницей, он подошел к делу серьезно, перебрал классические тексты и в итоге назвал ее Дай Саньшань. Имя было взято из стихотворения Ли Бо: Не уноси с собой три горы, о великий дух, я хочу подняться на вершину Пэнлай. Смысл был в том, чтобы великая черепаха не уносила все три горы на спине, ведь он сам хотел погулять по горе Пэнлай.

А дух-черепаха — это и есть то самое мифическое существо, обладающее великой силой.

Разумеется, у Тянь Ци не было права давать имена обитателям озера Тайе, так что Дай Саньшань было лишь домашним прозвищем. Однако это услышал Жуи, а затем пересказал Цзи Хэну.

Шэн Аньхуаю имя Дай Саньшань показалось самым обыкновенным, из того же разряда, что Ван Эрчжу или Чжан Люцзинь. Но Цзи Хэн, услышав его, решил, что человек, придумавший такое, весьма образован. Сравнить божественную черепаху с великим духом, при этом обыграв поэтический образ — аллюзия была удачной, а само имя — благозвучным. Буквальный смысл и скрытый подтекст сплетались в нем так естественно, что невозможно было придаться.

Интересно.

Цзи Хэн вызвал Тянь Ци к себе. Он долго разглядывал его сверху донизу, но так и не смог разглядеть ни капли книжной мудрости в этих глазах, затуманенных жаждой наживы.

Цзи Хэн засомневался и спросил:

— Это имя действительно ты придумал?

Тянь Ци, решив, что император хочет его наказать, поспешно объяснил:

— Отвечаю императору: раб придумал это просто так, чтобы было как называть. А то называть божественное существо просто черепахой было бы неуважительно.

Цзи Хэн прищурился:

— Почему ты выбрал именно такое имя?

Тянь Ци не осмелился сказать правду, ведь император терпеть не мог грамотных евнухов. Стоило евнуху стать образованным, как он был на шаг ближе к участи коварного царедворца. Поэтому он ответил:

— Она спасла раба, и раб хотел дать ей имя, означающее великую силу. Сначала я хотел, чтобы она несла одну гору, но нести одну гору звучит не очень красиво, поэтому я добавил еще две, чтобы она могла нести сразу три горы.

Цзи Хэн посмотрел на него с выражением: Ну конечно, я так и знал, что такой маленький негодник не может быть настолько образованным. Он не удержался и спросил:

— Почему ты назвал ее Дай Саньшань, а не Бэй Саньшань?

— В списке ста фамилий нет фамилии Бэй, как нет и слов, означающих носить на спине, взваливать или нести на голове, поэтому пришлось кое-как использовать слово Дай.

— ... — такое замечательное имя, оказывается, появилось вот так, кое-как. Истина всегда жестока. Цзи Хэн был немного разочарован, поджал губы и спросил:

— Ты вообще хоть немного учился?

На этот вопрос было трудно ответить. Лгать он не смел, а правду сказать было нельзя. Тянь Ци пришлось ответить:

— Когда покойный император открыл школу для евнухов, я немного выучил иероглифы.

Покойный император действительно создал школу, где евнухов обучали грамоте, но вместе с уровнем образования росла и их тяга к интригам. Цзи Хэн был крайне недоволен этим, но это был его родной отец, поэтому он не мог выразить открытого недовольства и после восшествия на престол нашел повод закрыть школу.

Разумеется, сейчас он тоже не мог высказать ничего дурного о покойном императоре.

— Слышал о Ли Бо? — снова спросил Цзи Хэн.

— Слышал, это великий поэт. Раб им восхищается, больше всего мне нравится его стихотворение про то, как в полдень мотыжат поле...

Цзи Хэн перебил его:

— Стихотворение про то, как мотыжат поле, написал не Ли Бо. Вернее, оно называется не так,

а Сострадание к крестьянам. — Он почувствовал бессилие: при разговоре с таким человеком интеллект собеседника словно устремляется вниз, как горный поток с трех тысяч футов.

Тянь Ци посмотрел на него восторженными глазами и подобострастно добавил:

— Император, вы так эрудированы!

Цзи Хэн мог стерпеть лесть, но когда его хвалили за эрудицию по такому поводу, он не мог этого принять. Холодно бросив:

— Ступай. Я не хочу видеть тебя три дня.

Так Тянь Ци получил еще три дня отпуска. Через три дня, когда его голова окончательно пришла в норму, он снова предстал перед Цзи Хэном.

Император внезапно дал ему задание:

Цель: отправиться к Шуфэй и принудить ее к самоубийству.

Причина: покушение на наследника престола.

<http://bllate.org/book/22267/2330912>